

1927 г. в последнюю в своей жизни и имевшую для него роковые последствия научную командировку по Европе (по приглашению Августа Гейзенберга, но и при энергичном ее “проталкивании” через “инстанции” Ф.И. Успенским)⁴, В.Н. Бенешевич ставил перед собой цель (наряду со многим другим) найти наконец рукопись. В письме к Ф.И. Успенскому из Парижа от 11 августа 1927 г. (по жил по адресу: 6, rue de Verneuil, Paris VII) он, между прочим, пишет: «Пересмотрел (в Парижской Национальной библиотеке). — И.М.) все бумаги Hase, чтобы найти указания насчет “Записки греческого топарха”; мелочи нашлись любопытные, так что можно догадываться о р[укопи]си, но не наверное»⁵. Сохранился и машинописный отчет Бенешевича о командировке, длившейся с 11 июня по 10 сентября 1927 г. и включавшей в себя работу в рукописных собраниях Варшавы, Вильны, Берлина, Лейпцига, Мюнхена, Парижа, Рима⁶. По поводу работы в Парижской Национальной библиотеке Бенешевич пишет: «Группа рукописей, связанных с работами известного эллиниста Газе, работавшего по поручению достопамятного гр. Н.П. Румянцева над изданием истории Льва Диакона, была очень старательно разобрана мною для того, чтобы отыскать следы той рукописи, из которой Газе издал знаменитую “Записку готского топарха”. К сожалению, ничего больше того, что уже известно из печатных сообщений Газе, найти не удалось. Указанным им признакам по содержанию соответствует только рукопись Palat. graec. 356, но она на бумаге, а не на пергамене, и в описании...⁷ ничего не говорится про какие-нибудь приписки сверх указанных в описании; равным образом и сам Газе, описывая эту рукопись, не упоминает о “записке готского топарха”»⁸.

Отчитываясь о своей работе в Ватиканской библиотеке, Бенешевич вынужден признать: « для “Записки готского топарха” все методически веденные поиски не дали никакого результата; р[укопи]сь Palat. graec. 356 видеть не пришлось, так как она оказалась высланной для изучения вне Рима, но, как было уже сказано выше, от нее нельзя ожидать находки»⁹. И хотя в итоговой части отчета Бенешевич констатирует, что ему «еще не удалось найти той рукописи, откуда Газе издал “Записку готского топарха”»¹⁰ (слово “еще” возбуждает мысль о том, что еще не все потеряно), думается, что всякая надежда на возможность находки его покинула, осталось лишь чувство растерянности и недоумения. Бенешевич еще не смог сформулировать идею о подлоге, не смог переступить психологического барьера, чтобы обвинить в бесчестном поступке известного ученого¹¹ (для этого, очевидно, должно было пройти какое-то время или скорее должно было прийти время, менее щепетильное в вопросах чести), но фактически он уже вплотную подошел к вопросу о подлинности (вернее, неподлинности) памятника.

II. Об утратах в греческом фонде ГПБ (ныне Российской Национальной библиотеки). Работая в последние годы жизни в Отделе рукописей ГПБ, В.Н. Бенешевич

⁴ Сохранилось “Поручение” Бенешевичу в его заграничной командировке от 28 мая 1927 г., подписанное неперменным секретарем АН акад. С.Ф. Ольденбургом (по предложению акад. Ф.И. Успенского): Архив РАН (СПб Филиал). Ф. 192. Оп. 3. № 109. Л. 8.

⁵ Там же. Ф. 116. Оп. 2. № 29. Л. 23–24.

⁶ Там же. Ф. 192. Оп. 3. № 109. Л. 1–7.

⁷ Оставлено пустое место, очевидно, для обозначения имени Стивенсона, автора каталога рукописей из палатинского фонда Ватиканской библиотеки. См.: *Stevenson H. Codices manuscriptorum palatini graeci Bibliothecae Vaticanae. Romae, 1885.*

⁸ Архив РАН (СПб. Филиал). Ф. 192. Оп. 3. № 109. Л. 4–4 об.

⁹ Там же. Л. 5 об.

¹⁰ Там же. Л. 6 об.

¹¹ Среди бумаг Бенешевича, хранящихся в С.-Петербургском филиале Архива РАН (Ф. 192. Оп. 1, № 46), содержатся чьи-то (не его) копии переписки Куника и Муллаха (оригинал хранится в ф. 95 этого же архива), в которой, между прочим, немало строк посвящено и Хазе (Л. 539–539 об.: отмечается, что после выхода в свет Льва Диакона Хазе был избран членом-корреспондентом Императорской АН; Л. 545: дается весьма лестная характеристика Хазе).